

Vertaalwedstrijd Russisch-Nederlands 2024

Levende Talen Russisch schrijft dit jaar voor de zevende keer een vertaalwedstrijd uit. De jury heeft een fragment uit het korte verhaal 'Тринадцать' van Alisa Ganieva gekozen. Deze tekst is verschenen in 2011.

Deze keer is de organisatie van de vertaalwedstrijd in handen van de juryleden Eric Metz (voorzitter), Otto Boele en Emma de Klerk. De jury zal zich wijden aan het selecteren van de beste vertaling(en) – de vertalingen worden geanonimiseerd beoordeeld – en zij zullen aan het einde van onze [Studiedag Levende Talen Russisch](#) op 21 september 2024 in het Lipsiusgebouw te Leiden de prijswinnaar(s) bekend maken. [Boekhandel Pegasus](#) stelt een prijs (prijzen) beschikbaar.

Hieronder vindt u het te vertalen fragment (ook in [Word](#)). En dit is [het hele verhaal](#). U wordt van harte uitgenodigd om mee te doen aan onze vertaalwedstrijd. Wij verwelkomen u graag op onze studiedag. Aanmelden voor de studiedag kan [hier](#).

Spelregels:

- U mag maximaal één vertaling per persoon inzenden
- Stuur uw vertaling in naar het speciale e-mailadres van de jury: vertalers.russisch@gmail.com
- De inzendtermijn sluit op zondag 8 september 2024 om 24.00 uur
- Wij publiceren de prijswinnende vertaling(en) op onze website

“Тринадцать” (2011)

Алиса Ганиева

Van de jury:

‘Voor de vertaalwedstrijd van dit jaar selecteerden we het korte verhaal “Тринадцать” (2011) van de uit Dagestan afkomstige schrijfster Alisa Ganijeva (1985). Zij studeerde literatuur aan het Gorki-instituut in Moskou en was jarenlang actief als literair critica. Als prozaschrijfster debuteerde zij in 2010, in eerste instantie onder een mannelijk pseudoniem. De drie romans die zij tot nog toe schreef, werden in een stuk of tien talen vertaald. Het Nederlands-Vlaamse vertalersduo Els de Roon Hertoge en Annelies de hertogh publiceerden bij Wereldbibliotheek Ganieva’s romans *De Russische muur* (*Праздничная гора*, 2012; vert. 2017) en *Liefde in de Kaukasus* (*Жених и невеста*, 2015; vert. 2018).

Vertaal onderstaand fragment eindigend met de zin ‘Напроказивших юношей увели под конвоем’. Veel lees- en vertaalplezier!

(zoz)

Тринадцать

Дотарахтев до укрепленного тяжелыми мешками дорожного поста, где толпились шашлычники и лоточники с надувными морскими матрацами, «газель» свернула с трассы и резво двинулась в горы. Минут через тридцать никчемные пейзажи сменились белыми сланцевыми громадами, а за окнами разлилось бездонное небо. Где-то внизу, в метрах ста пятидесяти под петляющей дорогой, серебрилась мелкая речка и копали гравий крошечные экскаваторы.

Подле серьезного, загорелого до черноты водителя сидел немного упитанный, средних лет человек в белой рубашке и с черным кожаным портфелем в руках, сосредоточенно смотревший в отвсечивающий сентябрьским солнцем экран коммуникатора. В салоне ехали интеллигентного вида пожилой мужчина с беззащитной улыбкой, краснощекая полная женщина с дочерью, скромно скрестившей на коленях натруженные руки, молодой человек в странных шароварах, сопровождавший молчаливую старуху, видимо, приходящуюся ему бабушкой, угрюмый и небритый бородач, две женщины – одна в очках и сереньком пиджаке, вторая в роскошном платье для церемоний, – а также бровастый пассажир в тубетейке, молодая девушка с искусственными ресницами и крепкий рыжеволосый юноша в красной, нахально вздернутой кепке.

Они миновали вьющийся над живописной пропастью серпантин, раздольную, засеянную сизой капустой долину, крупное селение с опрятными, частично недостроенными домами, пестрыми продуктовыми лавочками, связками горской колбасы в витринах и стоящими вдоль трассы полицейскими в толстых бронежилетах. Потом снова пошли подъемы и спуски, дрожащие изгибы каменистых склонов и заправочные станции с молельными домиками и большими надписями «Алхамдуллилах».

Женщина в платье для церемоний рассказывала соседке, как начальник ее супруга перед повышением публично отрекся от собственного сына, известного в лесу под кличкой Фантомас. Соседка поправляла очки и вздыхала, глядя на красные блики, игравшие в верхушках проносащихся мимо скал.

Минувя кладбище, водитель приглушил медоточивый шансон, и некоторые зашептали молитвы, омыли задранными ладонями лица. Через мгновение музыка заиграла снова, и они въехали в попутное село.

– Чё ты, дай-да, э-э-э, – тянул рыжий, склоняясь к отворачивавшейся от него девушке с наращенными ресницами, – ниче же не станет...

– Зачем? Нету у меня номера.

– Дай-да, чё ты меня кружишь? Я же с тобой нормально разговариваю!

– Отстань от меня! – грубо отрезала девушка, оправля модный, с низким вырезом топ.

Рыжий налился краской:

– Ё, ты чё щас сказала? Ты чё обостряешь?

– Я не обостряю.

– Батрачишься ты! Вообще пробитая!

Краснощекая женщина обернулась к рыжему и выругалась на своем.

– Сиди в углу, не приставай к девочке! – добавила она, возмущенно оглядывая парочку. – Я щас с ней местами поменяюсь.

– Вы сюда не влезете, тетя, – беззлобно засмеялся рыжий, допивая «Рычал-су» и швыряя пустую бутылку в окно «газели».

Они подъезжали к базару Хаджал-махи, откуда уже слышались музыка, хохот торговки и сигналы автомобильных гудков. Мужчина, отличавшийся беззащитной улыбкой, высунул голову из окна и с сердечным любопытством рассматривал хлопочущих вдоль трассы сельчан и украшенные лентами машины какого-то свадебного кортежа.

Село было сравнительно молодым и насчитывало не более пяти веков существования. Когда края эти были разорены Тамерланом, овдовевшие и лишившиеся крова горянки были вынуждены ютиться с детьми в окрестных пещерах, до тех пор пока цудахарец по имени Хужа не выстроил отсенок, который и дал начало Хаджал-махи. Во время Кавказской войны здесь появилось русское укрепление, и хаджалмахинцам пришлось все время метаться меж восставшими горцами и императорскими наместниками. Их жгли, истребляли и обирали попеременно царские войска и непокорные мюриды. А после того, как плененный уже Шамиль остановился здесь на пути из Гуниба и совершил обеденный намаз в сохранившейся до сих пор мечети, война закончилась и хаджалмахинцы лишились многих личных и общественных земель, обросли податями и возроптали. Вспыхнуло восстание, длившееся четыре месяца, а после его подавления главные участники были повешены, а остальные сосланы на каторгу.

После 1917-го село разделилось на четыре группы. Одни поддерживали красных, другие – деникинцев, третьи – мусульманское движение Гоцинского, четвертые – подбравшихся сюда турок. Из-за этой неразберихи и пяти-шести провокаторов несколько красноармейцев из тех, кому разрешено было беспрепятственно пройти через село в сторону Гунибской крепости, были застрелены. Это побудило красных тут же устроить карательную акцию и перебить почти всех мужчин-хаджалмахинцев, так что многие после этих событий эмигрировали за границу и больше не возвращались.

Восторжествовавшие советы были щедры на посулы, поддерживали на первых порах шариатский суд и, страшась волнений, даже отстроили в Хаджал-махи новую мечеть. Но позже гайки были закручены, а муталимы и богословы репрессированы. На этом злоключения жителей бывшего вольного Дарго не закончились. В годы застоя хаджал-махинские старшеклассники, шутя, выкрасили голову гипсовому Ленину масляной краской. Приехали проверяющие с требованием выдать преступников. Хаджалмахинцы ушли в отказ. Но когда прозвучала угроза всех без исключения сельчан выслать в Сибирь, сход посовещался на годекане и уступил. Напроказивших юношей увели под конвоем.

Bron: <https://snob.ru/selected/entry/44215/>